

Гермиона с криком подскочила на кровати и сразу же огляделась.

Она лежала на своей кровати в спальне их дома в Лондоне.

Быть этого не может!

Но все было именно так: небольшая кровать с балдахином, чуть поблескивающее зеркало напротив кровати - родители Гермионы в приметы не верили, плюшевый медвежонок на тумбочке - единственная игрушка, которую оставили в доме после ремонта.

- Гермиона, милая! - дверь отворилась, и в комнату вбежали два человека. Когда женщина включила свет, Гермиона ахнула:

- Мама! Папа! - и кинулась им навстречу, замечая, что как будто бы стала ниже.

- Девочка, милая, что случилось? - Джин Грейнджер обняла дочку. - Почему ты кричала?

- Мне, - голос Гермионы дрожал. - Мне приснилось, что вы умерли. Господи!

- Все хорошо, милая, мы рядом, - мужчина обнял дочку и прижал ее к себе. - Иди спать, это просто сон.

Перед уходом родителей девушка взглянула в зеркало... и застыла.

На нее смотрело детское личико со спутанными волосами и большими карими глазами.

Мерлин великий! Она вернулась назад во времени!

Они вернулись назад во времени.

Девушка понимала, что сама никак не могла совершить такое перемещение, а вот Гарри... Да, Гарри был достаточно сильным магом, чтобы перенести их во времени лет этак на одиннадцать.

Они читали об этом в одной из книг Блэков. Тогда он показывал разные книги ей, потому что Рону было глубоко плевать на обучение. И она читала, захлебываясь старинными знаниями.

...только очень сильные представители магического мира могут изменять пространство или время. Чаще всего, маги и не знают, что у них есть возможности для такого влияния на самые сильные стихии. Время - это самое неизученное направление в магии, хоть и были созданы маховики времени. Эти маховики могут переносить людей только на несколько часов назад, и

только сама магия волшебника может перенести на года назад или вперед, в зависимости от установок ее...

Да, она помнила эту запись слово в слово - Гарри очень заинтересовали время и пространство, и, из-за отсутствия должного учителя, он мучил Гермиону, пытаясь выбить что-то из подруги. Девушке пришлось читать книги, понимать все самой и потом объяснять своему лучшему другу. Все ее старания окупала внеземная благодарность зеленых глаз, когда Гарри говорил очередное "спасибо" и записывал за ней.

Натянув одеяло выше головы, Гермиона произнесла тихое "люмос". Ничего не произошло, и она разочарованно вздохнула, вспоминая все, что ей известно о беспалочковой. А именно то, что девятилетним-десятилетним - она не знала, сколько ей точно - ее использовать невозможно чисто физически.

- Я еще ребенок, - тихо прошептала она. - Я снова ребенок.

Надо попробовать. Надо стараться, надо пытаться...

- Люмос! - ничего. - Твою мать, - тихо выругалась Гермиона.

Люмос. Люмос. Люмос.

Девушка вынырнула из-под одеяла и откинулась на подушку. Видимо, беспалочковая ей пока что не под силу. Несмотря на то, что ей сейчас морально двадцать один год.

Морально, астрально...

И об этом она читала. При перемещении во времени человек физически становится моложе, но ментальный возраст сохраняется и человек не теряет свою магическую силу, а также знания. Однако время оставляет свой отпечаток, поэтому многие из таких магов становятся полностью темными, опираются на энергию смерти и используют запрещенные артефакты, их тянет к тьме.

Да уж, Пожирателей тянуло к тьме. И она одна это знала.

Потому что сама помогала человеку, который имел к последователем Лорда прямое отношение. Сама лечила эту девушку.

- Не думай, Грейнджер, что я рада к тебе обратиться, - Паркинсон сжимала левой рукой повязку, связывающую правое плечо. - Но это никто не сможет вылечить - к Дамблдору я идти боюсь, к Пожирателям нельзя, они не помогут, они это, - голос девушки дрогнул. - И сделали. Не выдавай меня.

- Я, - Гермиона задохнулась. В ее руках находится чужая жизнь. - Не выдам. Что случилось?

Панси сняла повязку, и взору гриффиндорки предстал длинный порез, спускавшийся по плечу вниз.

- Долохов постарался, - слизеринка поморщилась. - Они все там уже с ума посходили, включая Малфоя-старшего. Придурки ненормальные.

- Но твой отец, он ведь... он...

- Пожиратель? - спросила Панси с усмешкой. - Да. Но это не избавляет меня от вот такого обращения, потому, что со взрослыми что-то происходит. У них крыша едет.

- Давай посмотрим твою рану. Я, похоже, знаю, что это... - Гермиона протянула дрожащую руку.

- Сектумсемпра, заклинание Снейпа, его в школе снова нету, я его найти нигде не могу. Только он знает обратное заклятие.

Тогда она спасла ее, спасла слизеринку, спасла своего врага. И никому не рассказала, потому что после перевязки раны, когда Гермиона сделала все, что могла, Панси расплакалась.

И эти слезы - словно нож. Резали Гермиону. Кромсали. Рушили все ее устои.

Потому что они все не заслужили такой жизни.

И они стали почти подругами, тайными друзьями, про их дружбу никто не знал.

Панси смотрела только на нее в суде. Смотрела, и в ее темных глазах плескалось отчаяние. Так хотелось тогда кинуться вперед, обнять девушку, ровесницу, которую тоже немало потрепала война, успокоить, вытереть слезы. Но Гермиона стояла и чувствовала, как неведомая сила выдавливает слово "согласна" из ее рта. Тогда хотелось кричать. Потому, что Гринграсс расплакалась, как ребенок, потому, что Малфой, которого она всегда ненавидела, смотрел на нее, как на самое злое существо, потому, что Панси перестала на нее смотреть. Потому, что слизеринка смотрела сквозь нее, как будто Гермионы и не было.

Через три месяца ей пришло письмо. Неожиданное, невозможное по своей сути. Просто маленький темный комочек шерсти, гордо именуемый совой, принес маленький клочок пергамента.

"Гермиона!

Не спрашивай, как я смогла написать тебе. Этого даже я не знаю. Малфой как-то все устроил,

постарался, я его попросила. Ему самому сейчас сложно, после смерти матери. Но он все сделал, как я просила.

Я верю, что это не ты была тогда в зале. Я долго думала об этом, я тебя не понимала. Сомневаюсь, что настоящая Гермиона отправила бы на смерть сестер Гринграсс например, которые вообще к пожирателям отношения не имели. Ты другая, я знаю это.

Война не принесла ничего нашей стороне, да и вашей, по сути, тоже. Правильно ты тогда сказала, что мы все что-то на этой войне потеряем.

Я скоро умру, я это чувствую, долго я тут не продержусь, это Азкабан все-таки.

Сейчас пишу тебе, чтобы сказать, что я тебя простила. За все.

Живи счастливой жизнью, за меня и за всех тех, кого незаслуженно сюда заперли.

Панси."

<http://tl.rulate.ru/book/44478/1045663>